

Татьяна НАЗАРЕНКО:

Веч. клуб. - 1999. -
23 янв. - с. 5.

СЕГОДНЯ НЕТ НИЧЕГО НАСТОЯЩЕГО: ВЕЗДЕ ОДНА ФАНЕРА, НО Я ЕЕ ЛЮБЛЮ

Имя художницы Татьяны Назаренко — одно из самых громких и значительных на нынешнем художественном Олимпе. Любители искусства прекрасно знают ее живописные полотна — реалистические жанровые работы первоначального периода ("Казнь народовольцев", "Московский вечер", "Пугачев"), изысканные портреты ("Старость", "Циркачка") и, наконец, серию с оттенком сюрра под условным названием "Безумный мир". И вдруг — новый поворот в творчестве. Татьяна решила переосмыслить роли рабочего и колхозницы и заодно — собственную жизнь.

— Стало традицией, что 25 января, в Татьянин день, вы устраиваете персональную выставку и обязательно поражаете публику чем-то новым...

— На этот раз буду открывать памятник "Рабочая и крестьянин" — что-то вроде римейка "Рабочего и колхозницы" Веры Мухомовой. Я решила переосмыслить их роли в духе времени. Получилась современная девушка, вышедшая на улицу, а рядом с ней — типичный трудяга с лопатой и торчащей из кармана бутылкой. Памятник поначалу встанет рядом с Манежем на фоне Кутафьей башни. Он задуман как переносной и может перемещаться в разные места города. Причем мои герои почти не будут выделяться из толпы, разве что чуть большим ростом. А в самом Манеже откроется экспозиция "Памятники Татьяны Назаренко". Там я наглядно покажу публике, в каких конкретно городских интерьерах могли бы существовать мои фигуры. Приглашаю всех оценить эту задумку.

— В свое время на Арбате можно было даже сфотографироваться рядом с фигурами Горбачева, Ельцина. И ваши памятники тоже сделаны из фанеры, причем в них угадывается такая ирония по поводу нашей жизни...

— А куда деваться? Если бы у меня были капиталы, обилие материалов типа бронзы, меди, золота, и памятники я бы делала другие. Пока же только фанера мне доступна, к тому же это легкий, веселый и благодарный материал. Ее можно расписать, вырезать и поставить где угодно.

— Похоже, освоение фанеры становится вашим личным вкладом в искусство. Прежде была выставка "Переход" с обилием фигур, заполнивших огромный зал ЦДХ. Потом мы увидели "Мой Париж" с фанерными парижанами, читающими и жующими. Вскоре вы "накрыли" шумевший "Московский стол", на который выставили море аппетитных фанерных закусок и

выпивок. Теперь — памятники. А где же ваши традиционные холсты и масло?

— Новое делать интереснее. Хочется, чтобы люди испытали новые ощущения, иначе взглянули на мир. Думаю, что, когда зрители увидят "Рабочую и крестьянина", у них возникнут неожиданные эмоции. Но вообще-то традиция фигур-обманок существовала еще в XVIII веке. И однажды, бродя по блошиному рынку в Париже, я наткнулась на такой бюст-обманку. Это было созвучно моим задумкам — так и родилась нынешняя идея.

— Любовь к фанере" связана еще и с тем, что этот материал подчеркивает быстротечность времени, нестабильность и зыбкость во всем. Сегодня в искусстве все так быстро меняется: авторитеты, памятники. Музеи освобождаются от ненужных вещей. Банки освобождаются от картин, имущества, клиентов. Ничего настоящего, крутом одна фанера — в искусстве, в отношениях, в жизни...

— Какой неожиданный пессимизм. Неужели ушедший год был так плох?

— Да у меня-то как раз было много хорошего, так что даже и неловко рассказывать.

— И все же?

— На персональной выставке "Маврикий — рай для миллионеров" в Манеже ко мне подошел один дипломат: "Судя по всему, вы любите путешествовать. Не хотите ли прокатиться в Мексику?" "Да кто же не хочет?" — засмеялась я, расценив его вопрос как шутку. Но через два дня в составе небольшой и весьма уважаемой делегации уже летела в Мехико. Была роскошная культурная программа. Пирамиды, водопады, музеи, встречи. Фантастические впечатления, которые так нужны любому художнику.

Была еще удивительная осень в Париже. Мы группой ездили на выставку "Русский сезон", к организации которой я имела некоторое отношение. Во французской столице есть такой культурный городок, куда приглашают художников со всего

Фото Александра БАСАЛАЕВА

мира. В Париже потерялся мой чемодан, и я осталась, в чем была, — в черных джинсах и маечке. Зато в сумочке, как у всякого русского художника, были припасены водка и икра. Поэтому, плюнув на огорчения, вечером тесной компанией мы пошли на берег Сены и там, прямо на парапете, выставили у кого что было, отметили свой приезд. Мимо проплывали суда и суденышки, освещали нас цветными огнями, звучала музыка, было тепло, волшебное, сказочно. Это был один из самых прелестных вечеров в моей жизни.

— Заслушавшись вас, читатели могут подумать, что у всех художников не жизнь, а просто сказка.

— А я вас предупреждала.

— Но раз уж взялись за эту тему, то позвольте вопрос: в Париже по-прежнему мода на русских художников?

— Да нет, к сожалению. Бум на русское искусство во всем мире, в том числе и во Франции, закончился еще в девяносто первом году. Сейчас каждый год мода меняется. Последнее заметное мировое открытие — мексиканская художница Фрида Калло.

— Может, наши слишком наводнили Европу и Америку? Кстати, не скажете, как русские художники там себя ощущают?

— Все по-разному. Во всяком случае особенно там почти никто не выделяется. Разве что заметны на общем фоне Виталий Комар и Александр Меламид. Об их выставках всегда пишет "Нью-Йорк Таймс", а там это считается критерием успеха. Вообще в искусстве понятие успеха очень относительно. Огромную роль играют реклама, отклики прессы и критиков. А это все очень субъективно.

— Но вы не сказали о главном событии в вашей прошлой жизни, о котором пресса тоже пошумела.

— Это же опять-таки связано с границей, с тем, что принято считать божественной жизнью. Вы ведь имеете в виду выставку в Национальном Музее Вашингтона "Женщины в искусстве"?

— Конечно. Мы так радовались вашему в ней участию.

— Я была на церемонии открытия. Триста приглашенных гостей, и каждый пожимает тебе руку и го-

ворит приветственные слова, а потом... торопится к столу, совсем как у нас. Ели-пили, затем шли смотреть картины. На днях эта выставка закончилась. Музей намерен приобрести мои работы.

— Это тешит ваше самолюбие?

— Пожалуй, что и нет. У меня всегда был устремлен на Запад, уехали. И много картин в разных музеях мира теперь зарабатывают на хлеб, лишь и у нас дома. К слову, год назад меня приняли в члены-корреспонденты Российской Академии художеств — вместе с Нестеровой, Полозовым, Никоновым, Смолиным, Шиловым, Глазуновым.

— Неплохой круг. Но что-то ведь это звание в вашей жизни не меняет?

— Да ничего. Правда, к званию прилагается академическая зарплата в 450 рублей. При том, что хороший холст стоит 380. Ну, и со следующего семестра меня пригласили преподавать в Суриковском институте.

— У вас ведь прежде были очень благополучные, сытые времена?

— Я никогда не жаловалась, со школьной скамьи считаюсь модной

художницей, хотя, когда об этом читаю, мне кажется, что разговор не обо мне. Но пик материального успеха пришелся на 1988 год, когда после аукциона "Сотбис", где выставились мои работы, было много звонков и предложений. Звали в Европу, Америку. Тогда многие, кто уехал, устремлен на Запад, уехали. И время от времени занимаюсь творчеством.

— Художнику вроде бы и положено при жизни быть непонятым, бедным, несчастным. А слава приходит уже после... Этот миф давно развеян. Теперь художники при жизни пользуются всеми благами и успехом.

— Что же тогда греет душу?

— Когда открываю или нахожу что-то для себя интересное. Как, допустим, вот эту фанеру, с которой сейчас работаю. Пусть считают это моей прихотью, приколом, но почему бы и не поприкалываться? И, конечно, поездки по миру.

— Но это вы и так поняли из нашего разговора.

Встречалась
Светлана БУЛАШОВА

Назаренко Татьяна

23.1.99